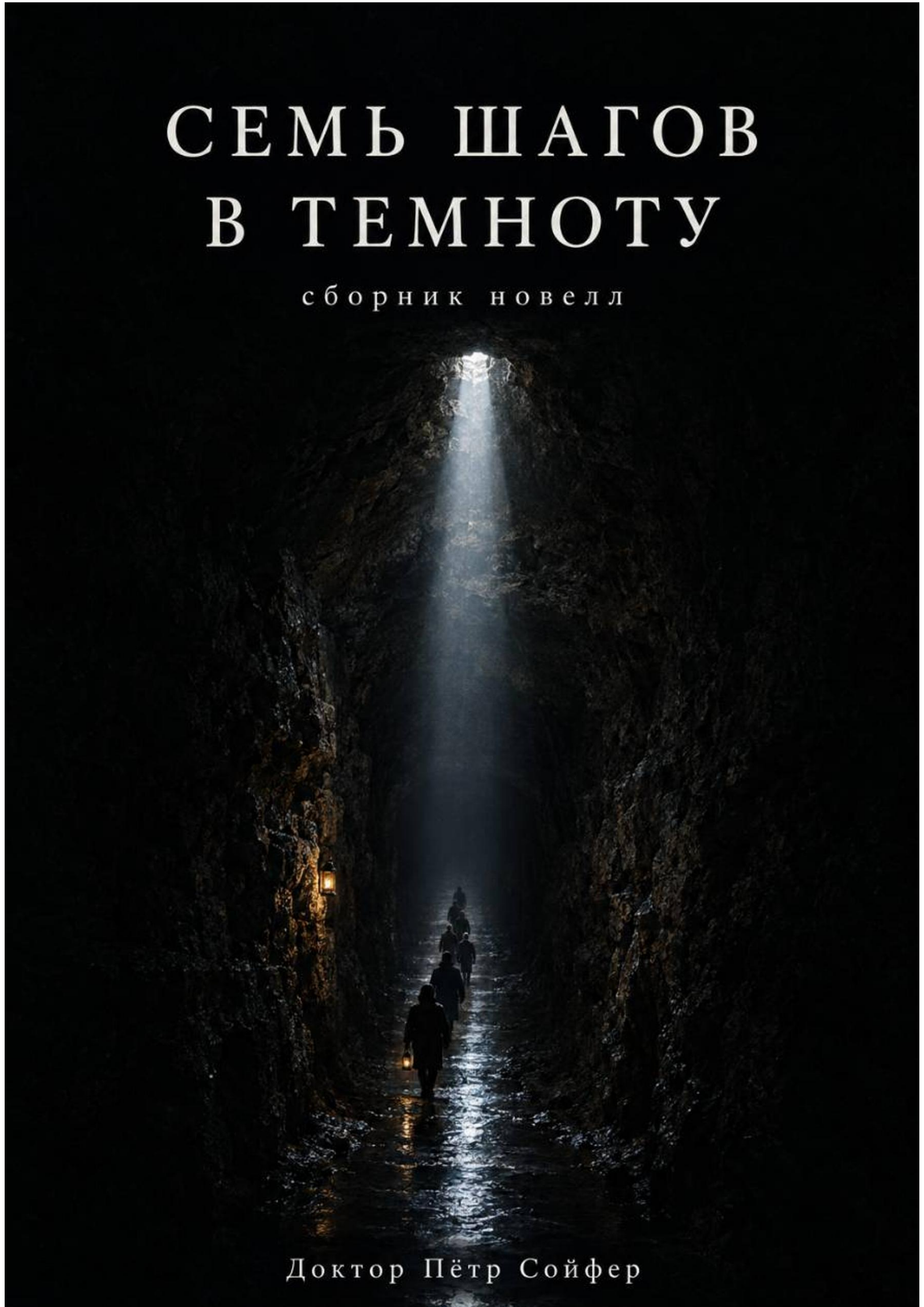

СЕМЬ ШАГОВ В ТЕМНОТУ

сборник новелл

A dark, narrow tunnel with rough, rocky walls. A bright beam of light shines down from an opening at the far end of the tunnel, illuminating the path. Several people are walking away from the viewer towards the light. The floor is wet and reflective. A small, warm light source, possibly a lantern, is visible on the left wall.

Доктор Пётр Сойфер

Петр Сойфер

Семь шагов в темноту

«Автор»

2026

Сойфер П.

Семь шагов в темноту / П. Сойфер — «Автор», 2026

Семеро смогли заплатить за десять дней абсолютной темноты — и один человек, знающий катакомбы Парижа лучше, чем город наверху, готов их туда провести. Инвестор, привыкший ломать чужую волю. Хирург, не умеющий спать. Бывшая модель, боящаяся зеркал больше смерти. Отец, замёрзший после потери дочери. Инфлюенсер, живущая только чужими лайками. Философ на грани добровольного ухода. И тихая женщина, которую подземелье пугает меньше, чем люди наверху. Проводник забирает у них телефоны, часы и имена — и ведёт вниз, туда, где нет зрителей, нет статуса и нет способа спрятаться от себя. Лаз, в котором невозможно дышать. Капля, падающая триста лет. Оссуарий без зеркал. Ледяная вода. Абсолютная тишина. Кино, которое показывает лишь собственный мозг. К десятому дню подземелье не оставит от их масок ничего — но каждому вернёт то лицо, которое он давно перестал узнавать. «Семь шагов в темноту» — сборник новелл о том, что можно найти, только полностью потерявшись.

© Сойфер П., 2026

© Автор, 2026

Петр Сойфер

Семь шагов в темноту

СЕМЬ ШАГОВ В ТЕМНОТУ

сборник психологических новелл

Доктор Пётр Сойфер

ПРОЛОГ

Плата за молчание

За полтора часа до полуночи Жак ещё стоял в очереди небольшого магазина на улице Юшетт, где по вторникам продавали хлеб вчерашней выпечки со скидкой. Кассирша — молодая, с наушником в ухе и взглядом, направленным сквозь него, — отсчитала сдачу неправильно: на полтора евро меньше положенного. Жак заметил это сразу, он всегда считал деньги в уме быстрее кассового аппарата. Но сказать об этом значило вступить в разговор, задержать взгляд на чужом лице дольше двух секунд, услышать раздражённое «чего вам ещё». Он молча сгрёб мелочь в карман, кивнул и вышел на улицу, где дождь уже перешёл в ту мелкую морось, которая не капает, а просто липнет к коже.

В переходе метро на пересадке его толкнул плечом крупный мужчина в костюме, спешивший к последнему поезду четвёртой линии, — толкнул так, что Жак впечатался в холодный кафель колонны, — и даже не обернулся. Жак не издал ни звука. Он давно перестал ждать извинений: в его личной системе координат человеческое тело на поверхности стоило меньше, чем недопитая чашка эспresso, из-за которой его однажды попросили покинуть кафе за то, что он слишком долго сидел, ничего больше не заказывая.

На набережной Сен-Мишель дождь окончательно превратился в водяную пыль, облепляющую жёлтое стекло фонарей и оседающую на воротнике мелкими каплями.

Жак шёл медленно, прижимаясь к фасадам старых домов. В надземном Париже он всегда ходил именно так — слегка сутулясь, убрав подбородок в воротник старой штормовки, будто пытался уменьшить площадь собственного тела, чтобы в него врезалось меньше чужих взглядов. Город оглушал его. Шум трафика на бульваре звучал для Жака как движение сухой наждачки по сырой кости. Скрип тормозов автобуса, вспышка неоновой вывески круглосуточной аптеки, запах перегретого масла из азиатской забегаловки — всё это впивалось в него, выпивая силы.

Он остановился у закрытой двери букинистической лавки, достал из глубокого кармана небольшой гладкий камень — кусок лютетского известняка, отполированный годами ношения в ладони, — и сжал его. Камень был холодным и сухим. Он напоминал, что на глубине двадцати метров под этим асфальтовым адом ничего этого нет.

Там нет вывесок. Там нет скоростей. Там нет людей, разглядывающих тебя, пытаясь понять, сколько ты стоишь.

Жак поправил на плечах тяжёлый, немаркий рюкзак из плотного винила и повернул в сторону Petite Ceinture — заброшенной кольцевой железной дороги, давно заросшей диким плющом и ежевикой.

Он знал этот город не так, как знали его семь человек, спешивших к нему сейчас с разных концов Парижа и проверявших на ходу, не следят ли за ними. Он знал его снизу вверх — сорок пять миллионов лет спрессованного лютетского известняка, оставшегося здесь с тех пор, как на месте площади Согласия плескалось тёплое тропическое море. Он знал, что первые каменоломни начали рыть ещё римляне, что к тринадцатому веку из этого камня уже вырастали контрфорсы Нотр-Дама, а к восемнадцатому под городом образовался лабиринт пустот такой протяжённости, что в тысяча семьсот семьдесят четвёртом году целая улица Анфер провали-

лась вместе с домами и лошадьми в разверзшийся под мостовой карьер. Людовик Шестнадцатый, испугавшись, что так провалится весь Париж, учредил Генеральную инспекцию каменоломен — ту самую IGC, чьи старые штольни им предстояло пройти уже этой ночью. А через двенадцать лет, когда переполненное кладбище Невинных начало отравлять город трупным смрадом, в эти же пустоты стали свозить кости — телега за телегой, ночь за ночью, полгорода мертвецов, аккуратно уложенных катафилами позапрошлого века в стены, которые сегодняшние семеро примут за декорацию.

Для Жака это никогда не было декорацией. Это было единственное место на земле, где прошлое не притворялось, что его нет.

*

На рельсах, полускрытых в темноте глубокой выемки под улицей Огюст-Лансон, стояла тишина, разорванная только редким покапыванием воды с чугунного моста.

Они приходили по одному. Жак выстроил временной интервал в десять минут, чтобы они не успели разглядеть друг друга на освещённых улицах.

Первой в темноте просеки проявилась Софи. Даже в темноте её силуэт выдавал привычку к объективам: ровная спина, чуть запрокинутый подбородок. На ней была дорогая мембранная куртка от швейцарского бренда, но Жак видел, как она вздрагивает от каждого шороха мокрых листьев под ногами. Она без конца поправляла капюшон, словно пыталась укрыться от отсутствующих зеркал.

Затем появился Матьё. Он шёл тяжёлым, ровным шагом человека, привыкшего к ночным дежурствам. Его рюкзак был уложен идеальным прямоугольником. Он не оглядывался, а встал у бетонной опоры моста, мгновенно уйдя в себя.

Потом пришла Хлое. Её свежие белые кроссовки уже превратились в серую массу из намокшей глины. Пальцы её правой руки непрерывно подрагивали внутри кармана — Жак знал этот жест. Так подёргивается палец человека, полчаса не свайпавшего экран смартфона.

Следом беззвучно подошла Клара. Она не вынырнула из темноты, а будто соткалась из неё. Заняла самый дальний угол, растворившись в тени куста ежевики.

Виктор явился шестым. Его шаги были громкими, нарочито уверенными. Он сразу попытался занять центр пространства, посмотрел на часы с тёмным циферблатом и издал раздражённый выдох.

Антуан и Анри пришли почти одновременно. Один — как тяжёлая, неживая глыба,двигающаяся по инерции; второй — аккуратный старичок в шерстяном шарфе, ловивший губами капли дождя с почти детским, хотя и немного отстранённым любопытством.

Семь человек. Семь пресыщенных, сломанных, выгоревших надземных обитателей, заплативших за эти десять дней сумму, на которую можно было купить небольшой дом в Провансе.

Жак вышел из тени к рельсам. В его руке не было фонаря.

*

— Доброй ночи, — сказал Жак.

Его голос на поверхности всегда звучал глухо, но сейчас, в каменном мешке железнодорожной выемки, в нём появился сухой, металлический оттенок.

Виктор шагнул вперёд, открывая рот, чтобы что-то сказать — вероятно, выразить недовольство тёмным местом или задержкой, — но Жак просто поднял сухую ладонь в потёртой кожаной перчатке. И Виктор молча застыл. Это произошло неосознанно: в фигуре Жака, стоявшего на краю подземного люка, появилось нечто, отменяющее привычную иерархию.

— Отныне у вас нет имён, — спокойно произнёс Жак. — Никаких «Жан-Люков», «господ директоров» или «докторов». Под землёй имя — лишний вес. Вы — Маркиз, Хранитель, Тень, Камень, Эхо, Профессор и Малышка.

Он сбросил с плеч виниловый баул и расстегнул молнию.

— Сюда складывается всё, что связывает вас с солнцем. Телефоны. Часы — любые, даже механические. Флешки. Зажигалки. Ножи. Лекарства, если они не согласованы со мной заранее. Любые источники света.

— Послушайте, — Виктор шагнул ближе, расстёгивая куртку. На его запястье тёмно-серым титаном отсвечивал массивный корпус часов. — Этот датчик непрерывно считывает показатели моего сердца и передаёт их личному врачу через спутник. Я не могу его снять. Это вопрос безопасности.

Жак посмотрел на него. Его глаза в темноте казались абсолютно чёрными — зрачки были расширены, ловя последние кванты света.

— Если этот датчик останется на вашем запястье, — сказал Жак тихим, но абсолютно плотным голосом, — вы останетесь здесь. И через десять минут этот люк закроется изнутри. Вы вернётесь к своему врачу, к своим акциям и к своей жизни. Но под землю вы не спуститесь.

Тишина зависла над рельсами. Слышно было, как где-то вверху по набережной проехала машина.

Виктор стоял, сжав кулаки. В нём боролись привычка ломать чужие правила и жгучий, нерациональный интерес к человеку, впервые за двадцать лет ответившему ему прямым отказом.

Спустя десять секунд титановый ремешок расстегнулся с сухим щелчком. Часы упали на дно баула.

За ними последовали остальные: тонкий золотой телефон Софи, тяжёлый корпус смартфона Хлое, потёртый складной нож Матьё, аккуратный записной блокнот Профессора.

*

Жак нагнулся и с лёгким гулом сдвинул в сторону чугунную крышку люка, скрытую в зарослях ежевики.

Из чёрного жерла диаметром едва ли в семьдесят сантиметров мгновенно ударил сноп воздуха. Это был другой воздух. Он не пах выхлопными газами, парфюмом или мокрой травой. Он пах вековой сыростью, холодной известью, прелыми костями и глубоким, древним покоем.

— Температура внутри — плюс одиннадцать, — сказал Жак. — Она не изменится. Влажность — девяносто восемь процентов. Первые полчаса вам будет казаться, что вы не можете сделать полный вдох. Это нормально. Это лёгкие привыкают к плотности.

Он встал у края шахты.

— Порядок спуска: Хранитель, Малышка, Эхо, Тень, Камень, Профессор, Маркиз. Я иду последним. Спускаться по скобам спиной к темноте. Руки держать на металлических прутьях, не искать ногами воздух — ступенька будет каждые тридцать сантиметров.

Матьё перешагнул через чугунный обод первым. Его тяжёлые ботинки звякнули по железу. За ним тихо проскользнула Клара.

Когда наверх торчала только голова Виктора, он на секунду замер, глядя на темнеющее парижское небо сквозь сетку мокрых ветвей.

— Всплывём здесь же? — спросил он. Впервые в его голосе проскочила дрожь.

— Мы всплывём там, где подземелье решит вас отпустить, — ответил Жак.

Виктор исчез в шахте.

Жак вздохнул, ступил на верхнюю скобу и потянул тяжёлый чугунный диск на себя. Крышка встала в пазы с глухим, окончательным помещающим звуком. Сработал засов.

Жак щёлкнул выключателем своего контрольного налобного фонаря. Вспыхнул тусклый, жёлтый луч.

Он посмотрел вниз. Семь человек стояли на узком уступе каменоломни восемнадцатого века, прижавшись плечами к влажной стенке из известняка. Их дыхание превращалось в белый пар.

— А теперь, — сказал Жак и нажал на кнопку фонаря.

Луч погас.

Наступила абсолютная, непроницаемая, тяжёлая темнота.

*

Абсолютная подземная темнота не похожа на ночной комнатный полумрак. В ней нет фотонов: сколько бы зрачок ни расширялся, сетчатке не за что зацепиться. Через три минуты мозг, лишённый привычного потока визуальных данных, начинает уходить в автономный режим, а тишина становится плотной и осязаемой.

Жак не двигался. Он стоял на нижней скобе лестницы, слушая, как семь человеческих организмов пытаются адаптироваться к Ничто.

Первой предала тишину Хлое.

Её дыхание, поначалу частое и поверхностное, превратилось в короткий, сдавленный всхлип. В темноте звук её вдоха прозвучал как выстрел.

— Эй... — произнесла она. Её голос был тонким, детским, очищенным от привычных кокетливых интонаций. — Почему так темно? Вы... вы же включите свет? Хотя бы один?

Её вопрос повис в воздухе. Жак молчал. Он знал: отвечать сейчас — значит дать ей привычный костыль социального контакта.

— Включите фонарь, это не смешно, — выкрикнула она громче, и в её голосе звякнула металлическая струна начинающейся истерики. — Я не вижу своих рук! Я буквально не вижу собственных пальцев перед лицом!

— Успокойтесь, — раздался басовитый, ледяной голос Матьё. Звук его голоса локализовался где-то справа от неё. — Ваша сетчатка адаптируется. На это нужно время. Дышите через нос, на четыре счёта.

Голос его звучал ровно — так же ровно, как звучал он над операционным столом при остановке сердца, — но под этой ровностью, невидимой для остальных, уже начинал разгоняться тот самый счётчик, что не умел останавливаться: сколько минут прошло, сколько ещё продлится эпизод, какие у Хлое показатели по шкале тревожности, если бы он мог её измерить, и что он будет делать, если у кого-то из семерых начнётся настоящий приступ там, где нет ни дефибриллятора, ни света, ни возможности вызвать помощь.

— Какая адаптация?! — Хлое сделала резкое движение, её плечо с глухим стуком врезалось в шершавый известняк стенки. Она ойкнула от боли. — Здесь нет света! Вообще нет! Откуда ему адаптироваться?!

— Она права, — раздался сухой, треснувший голос Анри. — В физическом смысле это вакуум. Мозг не способен долго находиться в состоянии нулевого раздражения зрительного нерва. Начнётся депривационный синдром. Жак, какова освещённость в люксах? Ноль?

Жак тихо переступил с ноги на ногу. Шуршание его подошвы по влажной глине прозвучало удивительно громко.

— Здесь нет люксов, Профессор, — произнёс Жак. Его голос прозвучал обособленно, будто он говорил не из угла туннеля, а прямо изнутри их собственных голов. — И времени здесь тоже нет. Привыкайте слушать свои внутренности.

*

Виктор тяжело и ровно дышал. По его ментальной карте происходящего это всё ещё была «экскурсия», за которую он заплатил. Но невозможность контролировать визуальное поле выбивала у него опору из-под ног.

Внутри у него, помимо воли, крутилось: сколько уже прошло времени, сколько будет стоять страховой иск, если с ним здесь что-то случится, кто унаследует долю в фонде, если он не вернётся, почему никто не отвечает, почему темнота не считается ни с деньгами, ни со связями, ни с тем, что его помощник в Женеве в этот самый момент, наверное, проверяет почту и ждёт его подписи под контрактом на сто двадцать миллионов, — а он здесь, в грязной норе под Парижем, и единственное, что имеет значение, это то, что он не видит собственной руки.

— Жак, — произнёс Виктор. Он попытался придать голосу привычные повелительные ноты, но в темноте отсутствие зрительного контакта делало доминантный тон жалкой пародией. — Мы простояли на этой площадке уже минимум десять минут. Маршрут должен двигаться. Если это элемент психологического давления, то эффект достигнут. Веди дальше.

— Мы пойдём, когда ваши сердца снизят ритм, Маркиз, — ответил Жак. — Сейчас ваш пульс — около ста десяти ударов. Вы дышите верхушками лёгких. Если мы пойдём сейчас, в первом же узком штреке вы панически застрянете.

— Откуда ты знаешь мой пульс?! — Виктор резко повернулся на звук голоса Жака, но ошибся градусов на сорок: он говорил в пустой тупиковый угол.

— Я слышу, как сонная артерия бьётся о воротник вашей куртки, — спокойно ответил Жак. — И слышу, как дрожат пальцы у Тени.

Софи мгновенно сжала кулаки и спрятала их в карманы.

В первые пять минут она сделала то, что делала всегда — попыталась посмотреть на себя. Посмотреть, как она выглядит в этой ситуации, уложена ли чёлка, не выглядит ли она глупо. Но темнота была абсолютно слепа. Софи переживала специфический физиологический шок: без возможности увидеть своё отражение или почувствовать чужой оценивающий взгляд, граница её тела начала «размываться». Ей казалось, что её лицо растворяется в сыром воздухе, превращаясь в бесформенное ничто.

— Мне кажется... — тихо произнесла Софи. Голос её дрожал. — Мне кажется, что стенки сдвигаются.

— Это иллюзия, — отозвался Профессор, хотя в его собственном голосе пробивалась нервозность. — Так называемая проприоцептивная дезориентация. Без визуальных ориентиров вестибулярный аппарат...

— Заткнитесь! — вдруг рявкнула Хлое. — Заткнитесь со своей наукой! Мне дышать нечем! Здесь нет воздуха!

— Воздух есть, — прозвучал тихий, ровный, совершенно невозмутимый голос Клары.

Это был первый раз, когда она подала голос. Звук шёл снизу — Клара уже опустилась на корточки и сидела, прижавшись спиной к мокрому камню.

— Воздух идёт снизу, от пола, — тихо продолжила Клара. — Там сквозняк. Он пахнет рекой и старым снегом. Сядьте на корточки, Хлое. Внизу легче.

Сама она садилась так всегда — спиной к твёрдому, лицом к открытому пространству, где можно было увидеть, что приближается, раньше, чем оно окажется рядом. Это не было решением. Тело выбирало это само, годами раньше, чем она успела бы задуматься зачем.

Возникла пауза. В темноте раздался шуршащий звук: Хлое, всхлипывая, сползла по стене вниз, нащупывая руками мокрую глину.

*

Единственным, кто не произнёс ни звука и ни разу не изменил ритма дыхания, был Антуан.

Он стоял, откинув голову назад и упершись затылком в шероховатый известняк. В этой абсолютной темноте он чувствовал себя странно органично. Тьма вокруг него точно соответствовала той чёрной, вымороженной пустоте, поселившейся у него внутри два года назад после похорон дочери. Впервые за долгое время его внутренний мир совпал с внешним. Ему не нужно было изображать нормальность.

Жак сделал шаг вперёд. В темноте послышался сухой щелчок: он зажёл не фонарь, а маленькую, едва мерцающую парафиновую свечу, установленную в защитный жестяной фонарик-«летучую мышь».

Крошечный, дрожащий язычок жёлтого пламени не осветил пространство — он лишь отвоевал у вековой ночи пяточок радиусом в полметра.

Восемь лиц проявились из темноты. Они выглядели так, будто прошёл не час, а сутки. Бледные, с расширенными зрачками, с каплями пота на лбах. Виктор стоял, плотно прижавшись лопатками к стене. Хлое сидела на корточках, обняв колени. Софи судорожно трогала пальцами своё лицо, проверяя, на месте ли нос и губы.

Жак держал свечу на уровне груди. Жёлтое пламя отражалось в его абсолютно спокойных, глубоких зрачках.

— Это единственный свет, который у нас будет на сегодня, — сказал Жак. — Берегите его глазами. Пошли.

Он развернулся и первым шагнул в узкий, уходящий вниз штрек, где потолок опускался до уровня человеческого плеча.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Маркиз

Группа шла уже четыре часа.

Привычное ощущение времени на поверхности рухнуло в первые же минуты пути: без часов и без смены освещения получасовой переход казался бесконечностью, а любая остановка — избавлением. Штрек петлял, то сужаясь до плечевого прохода, то ненадолго расширяясь в невысокие камеры, где можно было хотя бы разогнуть спину.

Густой, влажный воздух уплотнился. Дышать приходилось согнувшись пополам. У Виктора немилосердно болела поясница, но показать слабость перед этой «командой неудачников» он пока ещё не мог. Он шёл за Жаком, тяжело дыша и проклиная каждую минуту этого похода. В голове его, вопреки темноте и усталости, продолжали крутиться цифры — курс акций на закрытии биржи, неоплаченный чек за яхтенную стоянку, дата совета директоров, который состоится без него, — будто если он перестанет их считать, то потеряет последнюю нить, связывающую его с человеком, которым он был ещё вчера утром.

Софи держалась третьей, стараясь идти след в след за Матьё — так меньше приходилось трогать руками стены. К концу второго часа её пальцы уже покрылись тонкой коркой засохшей глины, и это раздражало её сильнее, чем сама усталость: она то и дело незаметно обтирала ладони об изнанку куртки, будто это могло что-то изменить. Она поймала себя на том, что мысленно выстраивает кадр — как бы это выглядело в объективе, серия «Женщина в темноте», чёрно-белая, зернистая, — и тут же одёрнула себя с раздражением: здесь не было ни одного объектива, ни одного зрителя, а привычка сочинять себе аудиторию оказалась цепче, чем она предполагала.

Хлое считала шаги — сто, ещё сто, — потому что счёт занимал ту часть сознания, иначе начинавшую искать в кармане несуществующий телефон. Между сотнями в голове у неё всплывали обрывки: что подумают подписчики, если она пропадёт на десять дней без единого сторис, успеет ли кто-то забеспокоиться, заметит ли вообще кто-нибудь настоящее молчание там, где раньше было молчание запланированное, часть контент-плана, — или без цифр охвата молчание попросту ничего не значит, потому что не существует, пока его никто не подтвердил.

Клара шла ровно, почти неслышно, подстраивая длину шага под неровности пола на ощупь, будто делала это всю жизнь. Её мысли не убегали вперёд и не возвращались назад — она вела счёт только тому, что происходило прямо сейчас: кто дышит тяжелее обычного, у кого сбивается шаг, кому потребуется помощь раньше, чем он сам об этом попросит. Это было не сочувствие в привычном смысле слова, а старая, вьёвшаяся в тело служба — постоянное сканирование пространства на предмет угрозы и постоянная готовность оказаться между угрозой и слабейшим.

Антуан нёс на себе большую часть общего снаряжения, не жалуясь и не сбавляя темпа, — Жак давно заметил в нём эту готовность взять чужой вес на спину, и не расспрашивал зачем. Внутри у Антуана не было слов вовсе, только тупой, равномерный ритм шагов, в котором он

топил всё остальное вот уже два года, и сегодняшняя тяжесть баула на плечах была даже приятна — она давала повод для боли, у которой было понятное происхождение.

Анри шёл последним перед Жаком, тяжело опираясь на самодельную палку из штрека, и время от времени бормотал себе под нос что-то из Бергсона — про длительность, про то, что время без часов течёт иначе, чем время с ними, — но уже без прежней профессорской звонкости в голосе. Про себя он отмечал с почти научным любопытством, как быстро его собственный интеллектуальный аппарат начинает давать сбой: он трижды пытался восстановить в памяти точную дату основания Инспекции каменоломен и трижды сбивался, будто сама темнота вытирала цифры из его памяти быстрее, чем он успевал их удержать.

Штреки IGC — старых инспекционных галерей каменоломен — были суше и просторнее оссуарных ходов, но именно эта относительная лёгкость пути изматывала иначе: не страхом, а монотонностью. На стенах то и дело попадались старые метки катафилов — выцветшие синие стрелки, нанесённые ещё в прошлом веке масляной краской, цифры дальности на позеленевших от времени табличках, полустёртые инициалы тех, кто проходил здесь десятилетия назад и, быть может, давно умер на поверхности, так и не рассказав никому, где именно оставил свой след. Жак безошибочно читал эту разметку кончиками пальцев, не глядя, — руками старого хранителя чужой карты. Свеча гасла и загоралась вновь на редких привалах, экономя воск, и в промежутках группа училась двигаться по звуку — по стуку ботинок впередиидущего, по шороху его куртки о камень.

К исходу дня Жак остановился у невысокой каменной ниши, где свод опускался почти к самой земле.

— Привал на три часа, — произнёс Проводник. — Накормить тела, напоить водой. Впереди — Chatière. Завтра с утра мы должны быть свежими.

— Где мы спим? — спросила Софи. Её идеальный голос окончательно потерял звонкость, став глухим и сиплым от сырости. — Здесь? На этой грязной трухе?

— На термоизоляционных пенках, — Жак сбросил свой баул. — Вплотную друг к другу. Под землёй не стесняются чужого тепла, Тень. Если ляжете отдельно — через два часа вас пробьёт гипотермия.

Они расположились на полу туннеля. Процесс приёма пищи в абсолютной темноте — Жак погасил свечу сразу после остановки — превратился в отдельный висцеральный опыт. Без зрения вкус обычной галеты, кусочка сушёного мяса и глотка воды из фляги обострился до предела. В полной тишине звуки чужого жевания, сглатывания и тяжёлого дыхания казались интимно близкими и пугающими.

— Жак, — тихо позвала Хлое, явно ища в разговоре укрытия от тишины. — А правда, что здесь кто-то живёт? Ну, из тех, кто спустился и не вернулся?

Жак долго молчал, и в этом молчании Хлое уже пожалела, что спросила. Но потом Проводник заговорил — размеренно, будто рассказывал это не первый раз и не в первой группе.

— Правда, — сказал он. — Только это был не миф, а вполне реальный человек. Филибер Аспер, привратник госпиталя Валь-де-Грас. В ноябре тысяча семьсот девяносто третьего года он спустился сюда — по одной версии, за вином из монастырского погреба, по другой, спасаясь от толпы на поверхности, был беспокойный год. У него была одна свеча. Свеча кончилась раньше, чем он нашёл дорогу назад.

— И что с ним стало? — тихо спросил Анри, хотя, кажется, уже знал ответ по тому, как Жак это рассказывал.

— Его нашли одиннадцать лет спустя. В тысяча восемьсот четвёртом. Рабочие, укреплявшие свод, наткнулись на тело — вернее, на то, что от него осталось, — в паре сотен метров от того места, где он спустился. Опознали по связке ключей от госпиталя на поясе. Похоронили прямо там, где нашли, — доставать было некуда. Его могила и сейчас там, недалеко от улицы

Анри-Барбюс. Катафилы приносят к ней цветы. Считается, что если заблудишься, а ты друг подземелья, а не враг, он выведет тебя к свету.

— Вы верите в это? — спросила Софи.

— Я верю, что человек, который одиннадцать лет пролежал в темноте, прежде чем его нашли, заслуживает того, чтобы его помнили не как страшилку, — ответил Жак. — Остальное можете решать сами.

Больше никто не задавал вопросов в ту ночь.

*

Когда Жак снова зажёт свечу, её свет выхватил из мрака тупик.

Туннель, казалось, заканчивался монолитной стеной. Лишь у самого пола, в плотной известняковой породе, темнела горизонтальная щель высотой не больше сорока сантиметров и шириной чуть больше полуметра. Оттуда тянуло сыростью и запахом слежавшейся вековой пыли.

— Это Chatière, — сказал Жак. — «Кошачья щель». Восемь метров длины. Чтобы пройти её, вам придётся вытянуть руки вперёд, прижать подбородок к груди и ползти на животе, отталкиваясь только носками ботинок и локтями.

— Вы с ума сошли? — Виктор шагнул к щели, его глаза в свете свечи расширились. — Я туда физически не влезу! У меня ширина плеч пятьдесят два сантиметра! Это гробище, а не проход!

— Влезешь, Маркиз, — впервые перешёл на «ты» Жак. Голос Проводника звучал без вызова, просто как констатация физического закона. — Известняк мягкий. Если отпустишь напряжение в плечах, скелет словно складывается. Главное правило: не сопротивляться камню. Если начнёшь бороться с лазом — камень тебя зажмёт.

— А если обвал?! — выкрикнула Хлое. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. — Если эти тонны сверху просто просядут?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.